

*Ксерокопия утраченного письма А. С. Пушкина
Дружину — от Авдеева.*

Сиб. 27-1-04.

АМАЛІЯ РИЗНИЧЪ

ВЪ

ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА.

Исслѣдователи и любители поэзіи Пушкина обратили, конечно, вниманіе на вышедшую недавно книгу проф. И. А. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“. Эта книга даетъ много новаго и для Пушкинскаго текста, и для біографіи поэта; ей принадлежитъ видное мѣсто въ Пушкинской литературѣ. Правда, выводы и сообщенія проф. И. А. Шляпкина не всегда могутъ быть приняты спеціальной критикой и нуждаются въ исправленіяхъ и дополненіяхъ. Въ нашемъ очеркѣ мы касаемся лишь одного недоумѣнія, возбуждаемаго трудомъ проф. И. А. Шляпкина и связаннаго съ важнымъ вопросомъ о біографическомъ элементѣ въ стихахъ Пушкина, съ вопросомъ о правильности нашихъ утвержденій о посвященіи тому или другому лицу различныхъ стиховъ Пушкина. Это—одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Пушкинскаго творчества.

I.

„Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспальной,
И трепеть ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изгнанья,
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье—бурная мечта
Ожесточеннаго страданья“.

Этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ открывается книга проф. И. А. Шляпкина. До сихъ поръ мы знали изъ него только четыре первыхъ строки; издатели относили ихъ къ 1826 году. На автографѣ этого стихотворенія, принадлежащемъ проф. И. А. Шляпкину, находимъ точную дату: „1825 Триг. 23. Тригорск. 22“.

Къ кому относится это стихотвореніе? Чьей памяти поэтъ приносить въ жертву всѣ драгоцѣнные порывы своей души? П. А. Ефремовъ, въ изданіи 1882 года (т. II, стр. 398) высказалъ предположеніе, что эти стихи вызваны воспоминаніемъ объ одесской знакомой Пушкина, г-жѣ Ризничъ. Проф. И. А. Шляпкинъ полагаетъ, что въ виду даты: „1825 годъ“, раньше неизвѣстной, окончательнo падаетъ предположеніе П. А. Ефремова, и высказывается положительно за то, что оно относится къ извѣстной Аннѣ Петровнѣ Кернъ. То или иное рѣшеніе вопроса о томъ, къ кому относятся различныя стихотворенія Пушкина, имѣетъ важное значеніе для біографіи поэта. Несомнѣнными являются указанія его самого, но они рѣди, и приходится дѣлать одни предположенія, — а между тѣмъ, въ собраніяхъ сочиненій, даже самыхъ новѣйшихъ, мы встрѣчаемъ не мало такихъ догматическихъ „усвоеній“ стихотвореній Пушкина тому или другому лицу, — усвоеній, которыя какимъ-то невѣдомымъ путемъ повысились изъ догадокъ на степень достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности мало достовѣрны и спутанныя указанія при стихотвореніяхъ, связанныхъ съ семьей Раевского и съ пребываніемъ Пушкина на югѣ, при посланіяхъ кн. М. А. Голицыной, урожд. Суворовой, при стихахъ, посвященныхъ Амаліи Ризничъ. Попытаемся разобраться въ томъ, кому же именно посвящено стихотвореніе: „Все въ жертву памяти твоей“, и т. д.

Относится ли оно къ А. П. Кернъ? Объ ея отношеніяхъ къ Пушкину, по крайней мѣрѣ, въ тотъ 1825-ый годъ, къ которому относятся это стихотвореніе, мы можемъ судить по письмамъ къ ней А. С. Пушкина, напечатаннымъ во всѣхъ изданіяхъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ отношеній, отмѣтимъ только общій, чувственный характеръ увлеченія Пушкина. Невозможно допустить, чтобы Пушкинъ и „мщеніе — бурнаѣ мечта ожесточеннаго страданья“ — принесъ въ жертву той, которую онъ называлъ „вавилонской блудницей“, которой онъ писалъ въ такомъ легкомъ тонѣ: „Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! Divine!.. et puis: „ахъ, мерзкая“! Pardon, belle et douce, mais c'est comme ça“, и т. д. Врядъ ли бы сталъ Пушкинъ выражаться: „все въ жертву *памяти твоей*“, въ то время, какъ Кернъ была такъ недалеко отъ него, въ Тригор-

скомъ, или въ Ригѣ, или въ С.-Петербургѣ (съ момента встрѣчи въ 1825 году, Кернъ только въ этихъ мѣстахъ и была въ этотъ годъ). Всѣ эти соображенія приводятъ къ слѣдующему выводу отрицательнаго характера: предположеніе о посвященіи стихотворенія А. П. Кернъ не можетъ быть допущено. И этотъ выводъ имѣетъ свое значеніе.

Прежде, чѣмъ обратиться къ предположенію П. А. Ефремова, остановимся на комментаріяхъ проф. И. А. Шляпкина, которые могутъ послужить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ дѣлать комментаріи. Разборъ ихъ поможетъ намъ вннунуть въ содержаніе стихотворенія, а выясненіе содержанія имѣетъ существенное значеніе для нашей цѣли. Высказавшись предположительно о посвященіи стиховъ А. П. Кернъ, проф. И. А. Шляпкинъ безъ оговорокъ распредѣляетъ партіи: „на Е. Н. Вульфъ намекаетъ поэтъ, когда говоритъ о слезахъ воспаленной дѣвы. „Трепетъ ревности моей“ — конечно, намекъ на А. Н. Вульфа, уѣхавшаго съ А. П. Кернъ въ Ригу“. Необходимо указать, что подобные комментаріи могутъ опошлять стихи Пушкина и лишать ихъ всякаго художественнаго смысла. Стихотвореніе прекрасно именно по глубокому чувству, его проникающему: поэтъ приносить въ жертву памяти о любимой женщинѣ все самое цѣнное для его души, и слезы воспаленной любовью дѣвушки, всякой дѣвушки, и мученія ревности, всякія мученія, и блескъ славы и т. д. И. А. Шляпкинъ низводитъ стихотвореніе почти до эпиграммы:—увы, поэтъ готовъ пожертвовать памяти любимой имъ только слезы Евпраксіи Николаевны Вульфъ; поэтъ готовъ ради памяти отказаться ревновать ее къ Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Но правъ ли П. А. Ефремовъ, утверждая, что это стихотвореніе относится къ Ризничъ? Эпизодъ одесскаго увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ и запутаннѣйшимъ пунктамъ біографіи поэта.

Всѣ фактическія данныя о г-жѣ Ризничъ исчерпываются всего двумя сообщеніями. Первое принадлежитъ проф. К. П. Зеленецкому, и оно появилось въ 1856 году въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ и тогда же было перепечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“¹⁾. Проф. Зеленецкій заявилъ себя какъ осторожный изслѣдователь, и на достовѣрность его сообщеній можно полагаться, но необходимо обратить вниманіе на особенность источника его свѣдѣній: онъ разузналъ о Ризничъ отъ одесскихъ старожиловъ,—а слѣ-

¹⁾ Перепечатано въ книгѣ проф. В. А. Яковлева: „Отзвы о Пушкинѣ съ юга Россіи“. Одесса, 1887. Добавленіемъ къ этой статьѣ являются нѣкоторыя данныя въ „Замѣткѣ о Пушкинѣ“ въ „Библиографическихъ Запискахъ“, 1858, стр. 137.

довательно, узналъ то, что *говорилось* о ней въ Одессѣ. Второе сообщеніе принадлежитъ проф. Халанскому: оно появилось въ „Харьковскомъ университетскомъ Сборникѣ“ 1899 года. Со словъ проф. Стечковича, г. Халанскій передаетъ рассказы мужа Ризничъ. По этимъ двумъ сообщеніямъ исторія Ризничъ выясняется въ слѣдующихъ чертахъ.

Иванъ Ризничъ, сынъ богатаго сербскаго купца, человекъ отлично образованный въ итальянскихъ университетахъ, сначала имѣлъ банкирскую контору въ Вѣнѣ, а потомъ переселился въ Одессу и занялся хлѣбными операціями. Съ Ризничемъ Пушкинъ познакомился въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева. Въ 1822 году, Иванъ Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну жениться и весной 1823 года возвратился съ молодой женой. Въ началѣ іюня этого года Пушкинъ переселился на жительство въ Одессу. Тогда же начинается его знакомство съ женой негодянта. Кто же была она? Пушкинъ и его одесскіе современники считали ее итальянкой; проф. Зеленецкій сообщаетъ, что она—дочь вѣнскаго банкира Риппа, полуиѣмка, полуитальянка, съ примѣсью, быть можетъ, еврейской крови. Стечковичъ со словъ мужа Ризничъ утверждаетъ, что она была итальянка, родомъ изъ Флоренціи. Нѣтъ основаній не вѣрить словамъ Стечковича. Относительно необыкновенной красоты г-жи Ризничъ всѣ современники согласны: высокаго роста, стройная, съ пламенными очами, съ шеей удивительной формы, съ косою до колѣнъ. Она ходила въ необыкновенномъ костюмѣ: въ мужской шляпѣ; въ длинномъ платьѣ скрывались большія ступни ногъ. Среди одесскихъ женщинъ она была поразительнымъ явленіемъ. Д. И. Туманскій писалъ въ 1824 году изъ Одессы своей пріятельницѣ объ одесскихъ дамахъ: „недостатокъ свѣтскаго образованія чувствителенъ въ одесскихъ дамахъ. Женщины—первыя создательницы и истинныя подпоры обществъ. Слѣдовательно, имъ непростительно упущать всякую малость, способствующую выгодамъ сего новаго отечества. Всѣ приманки ума, ловкости просвѣщенія должны быть употреблены, дабы внушить въ мужчинъ и охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ, и сердечную признательность къ дамамъ. У насъ ничего этого нѣтъ,—замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризничъ) дичатся людей“, и т. д. Ризничъ, очевидно, подходила къ тому идеалу женщины, который рисуетъ Туманскій. Амалія Ризничъ не была принята въ высшемъ одесскомъ обществѣ, которое и сосредоточивалось-то въ одномъ домѣ графини Воронцовой. Что преграждало ей доступъ въ высшій свѣтъ: эксцентричность одежды,

необыкновенность поведенія или соціальное положеніе, или, наконецъ, другія обстоятельства, о которыхъ глухо говоритъ проф. Зеленецкій? На этотъ вопросъ мы отвѣтить не можемъ. Поклонники ея собирались въ домъ Ризничъ. Ихъ было не мало: среди нихъ особенно настойчивымъ былъ Пушкинъ. По выраженію мужа Ризничъ, Пушкинъ увивался около Амаліи, какъ котенокъ (као маче, — по-сербски). Одесскіе старожилы передавали проф. Зеленецкому, что Пушкинъ встрѣтилъ соперника въ польскомъ шляхтичѣ Собаньскомъ. Иванъ Ризничъ называетъ князя Яблоновскаго. Пользовался ли Пушкинъ взаимностью Амаліи Ризничъ? Молва утверждаетъ, а Ризничъ, приставившій къ женѣ для наблюденія стараго своего слугу, отрицаетъ. Ризничъ пробыла въ Одессѣ недолго; мужъ говоритъ, что она разстроила свое здоровье и уѣхала лечиться. 30 апрѣля 1824 года, изъ одесскаго городского магистрата было выдано свидѣтельство на право выѣзда за границу г-ну Ивану Ризничу съ семействомъ, а въ первыхъ числахъ мая г-жа Амалія Ризничъ, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Александромъ, слугою и двумя служанками выѣхала въ Австрію, Италію и Швейцарію. 30-го іюня Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское. Въ Одессѣ рассказывали, что вскорѣ послѣ отъѣзда Ризнича выѣхалъ и соперникъ Пушкина, Собаньскій; за границей онъ догналъ ее, проводилъ до Вѣны и бросилъ. Мужъ Ризничъ говоритъ, что за Ризничъ послѣдовалъ во Флоренцію князь Яблоновскій и здѣсь добился ея довѣрія. Ризничъ недолго прожила на родинѣ. По всей вѣроятности, въ началѣ 1825 года, она умерла, „кажется, въ бѣдности, призрѣнная матерью мужа“, какъ говорили въ Одессѣ. Но, по словамъ мужа, она не получила отъ него отказа въ денежныхъ средствахъ во время жизни въ Италіи. Этимъ ограничиваются всѣ наши фактическія свѣдѣнія объ Амаліи Ризничъ.

Амалія Ризничъ имѣетъ всѣ права на вниманіе по тому вліянію, которое оказала она на душу поэта и, слѣдовательно, на его творчество. Быть можетъ, когда-нибудь мы будемъ имѣть настоящую біографію поэта, — не фактическую исторію внѣшнихъ событій его жизни, а исторію сокровенныхъ движеній его души, ея жизни. И будущій біографъ долженъ будетъ опредѣлить, что внесла въ эту жизнь Ризничъ, и выяснитъ, въ чемъ была индивидуальность этой любви Пушкина. Первый вопросъ, на которомъ нужно остановиться — вопросъ о томъ, какія же произведенія Пушкина вызваны этой женщиной. Тутъ царитъ большая путаница: съ именемъ Ризничъ связываютъ различныя стихотворенія, иногда прямо противоположныя по со-

держанію: Анненковъ создалъ даже „трехчленную лирическую пѣснь“ изъ стихотвореній: Элегія 1825 („Подъ небомъ голубымъ“), „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальней“—и связалъ эту пѣснь съ именемъ Ризничъ. Впрочемъ, онъ осторожно замѣтилъ, что трехчленная лирическая пѣснь обращена къ одной или двумъ особамъ, умершимъ за границей. Осторожныя замѣчанія Анненкова были расширены и перетолкованы позднѣйшими изслѣдователями, и Амалія Ризничъ получила исключительное значеніе въ жизни Пушкина; комментаторы и біографы стали принимать ее за ту таинственную женщину, которая внушила Пушкину вѣчную любовь къ ней. Для рѣшенія поднятаго въ началѣ нашей замѣтки вопроса о томъ, можно ли отнести къ Ризничъ отрывки „Все въ жертву памяти твоей“,—необходимо разобраться въ путаницѣ различныхъ пріуроченій поэтическаго матеріала къ Амаліи Ризничъ. Намъ представляется далеко не лишней попытка опредѣлить характеръ отношеній поэта къ женѣ одесскаго негоціанта и выяснить, какія именно стихотворенія Пушкина запечатлѣны ея вліяніемъ.

II.

Намъ кажется, что внимательный анализъ стихотвореній Пушкина поможетъ намъ разобраться въ біографическихъ вопросахъ, вызываемыхъ ими. Начнемъ съ элегии: „Подъ небомъ голубымъ“; относительно этого стихотворенія можно съ достовѣрностью сказать, что оно относится къ Амаліи Ризничъ. Обратимъ вниманіе на обстоятельства, при которыхъ оно написано.

Амалія Ризничъ выѣхала изъ Одессы за границу въ первыхъ числахъ мая 1824, а Пушкинъ отправился въ ссылку 30 іюля,—должно быть, раньше, чѣмъ распространились слухи о томъ, что вслѣдъ за Ризничъ отправился его соперникъ. Последніе мѣсяцы своего пребыванія въ Одессѣ мысли Пушкина были заняты другой женщиной. Въ стихотвореніи „Къ морю“, написанномъ непосредственно передъ отъѣздомъ, въ іюлѣ, поэтъ обращается къ морю:

„Ты ждалъ, ты звалъ... Я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я“.

Эти строки никакъ нельзя считать свидѣтельствомъ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которая въ это время была за грани-

цей: еслибы онъ былъ окованъ могучей страстью къ Ризничъ,— незачѣмъ было бы оставаться у береговъ! Изъ этого можно было бы сдѣлать слѣдующій выводъ: увлеченіе Ризничъ нужно отнести къ начальному періоду пребыванія Пушкина въ Одессѣ. Въ стихотвореніяхъ 1830 года „Заклинаніе“ и „Для береговъ отчизны дальней“ поэтъ рисуетъ слѣдующими чертами разлуку съ неизвѣстной намъ женщиной, въ которой комментаторы видятъ Ризничъ.

„Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Исважена послѣдней мукой“. („Заклинаніе“.)

„Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой,
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой;
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страстнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала“, и т. д.

Но если принять во вниманіе, что поэтъ въ это время былъ очарованъ могучей страстью, приковывавшей его къ берегамъ Чернаго моря, если вспомнить, что вслѣдъ за Ризничъ уѣзжали и соперники поэта, то придется усомниться въ томъ, что оба эти стихотворенія вызваны воспоминаніемъ о разлукѣ съ Ризничъ.

Еслибы моментъ разставанія поэта съ Ризничъ соотвѣтствовалъ описанному въ этихъ строкахъ, то мы вправѣ были бы предположить, что и въ Михайловскомъ въ своихъ воспоминаніяхъ поэтъ обращался все къ той же Амаліи Ризничъ, страсть къ которой была такъ могуча. Но въ это время,—пишетъ Анненковъ,—настоящая мысль поэта постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ—далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ: Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы „Онѣгина“ онъ дѣлаетъ приписку: „1 сентября 1824 года—Une lettre de***. Сестра поэта, О. С. Павлицева, рассказывала Анненкову, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата,—послѣдній за-

пирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе „Сожженное письмо“, 1825 года. Къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія „Ненастный день потухъ“. Она и самимъ поэтомъ отнесена, въ изданіи стихотвореній 1826 года, къ 1823 году—и всѣми издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержанія даетъ несомнѣнныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первой строфѣ поэтъ рисуетъ обстановку, которая окружаетъ его:

„Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой,
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ“.

Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 году поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противопоставляетъ слѣдующую картину:

„Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ *время*: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами,
Тамъ, подъ *завѣтными* скалами,
Теперь она сидитъ, печальна и одна“...

Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничъ, но это невѣрно, потому что Ризничъ въ это время была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина „завѣтныхъ“ скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ. Г-нъ Морозовъ дѣлаетъ совершенно неосновательное предположеніе, что „она“—это Марія Николаевна Раевская, та Раевская, о которой 18 октября 1824 года кн. Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, декабристъ, писалъ изъ Петербурга Пушкину: „имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы и увѣренъ будучи, что всякое доброе о мнѣ извѣстіе будетъ вамъ пріятнымъ, увѣдомляю васъ о помолвкѣ моей съ Маріей Николаевной Раевскою. Не буду вамъ говорить о моемъ счастіи“. Врядъ ли можетъ быть отнесено къ М. Н. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки:

„Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ, печальна и одна...
 Одна... Никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
 Никто ей колѣны въ забвеньи не цѣлуетъ;
 Одна... Ничимъ устамъ она не передаетъ
 Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

.....
 Никто ея любви небесной не достоинъ.
 Не правда-ль: ты одна? ты плачешь? Я спокоенъ.

 Но если.“

Точки поставлены самимъ Пушкинымъ; рукопись этого стихотворенія намъ неизвѣстна. Итакъ, этой элегіи нельзя отнести ни къ М. Н. Раевской, ни къ Амаліи Ризничъ; относится она къ той особѣ, о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ.

Среди стихотвореній, написанныхъ въ Михайловскомъ, мы встрѣтили еще одно, которое также даетъ доказательство того, что не Ризничъ владѣла мыслью поэта въ его уединеніи, что не она была могучей страстью Пушкина въ Одессѣ. Это — „Желаніе славы“ (7 іюля 1825 года); лицо, къ которому обращено это стихотвореніе, опять-таки мы должны искать не въ Тригорскомъ, а тамъ, гдѣ поэтъ былъ до ссылки въ Михайловское; стихотвореніе заключаетъ, по нашему мнѣнію, важное автобіографическое свидѣтельство, указаніе на обстоятельства, сопровождавшія разлуку поэта съ этой особой, и намекъ на какую-то связь этой любви поэта съ его высылкой изъ Одессы.

„Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
 Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя, —
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
 Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
 Скучая суетнымъ призваніемъ поэта,
 Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
 И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
 Шептала ты: „Скажи, ты любишь, ты счастливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?“
 А я стѣсненное молчаніе хранилъ;
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ; я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... *И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, идъ я? Стою,*

*Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
И все передо мной затмилось! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленія
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья“.*

Не объ этой ли минутѣ разлученья идетъ рѣчь въ отрывкѣ, который находится въ одесской тетради Пушкина среди набросковъ писемъ начала 1824 года и который, слѣдовательно, можетъ быть датированъ вообще 1824 годомъ, безъ ближайшаго опредѣленія?

„Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
Произношу я горестныя пени.
Все кончено, я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя (роптаніемъ) преслѣдовать не буду
(И невозвратное), быть можетъ, позабуду.
(Я зналъ: не для меня) блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты“...

И въ этомъ, и въ предъидущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. „Послѣднія моленія въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья“ перваго стихотворенія („Желаніе славы“) напоминаютъ „горестныя пени“ отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ внѣшнихъ событій... „Слезы, муки, измѣны, клевета“, все вдругъ обрушилось на голову поэта. Въ отрывкѣ, тоже по какимъ-то причинамъ, любимая поэтомъ разрываетъ свои интимныя отношенія съ нимъ.

Та особа, къ которой летѣла мысль поэта въ Михайловскомъ и о которой такъ туманно говоритъ Анненковъ,—жена начальника по одесской службѣ Пушкина, графиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова; отношенія ея къ Пушкину совершенно не обследованны біографами поэта. Такому разслѣдованію долго мѣшало, конечно, то обстоятельство, что графиня была жива и умерла только въ 1880 году. „Преданія эпохи, — писалъ въ 1874 году Анненковъ, — упоминаютъ еще о женщинѣ, превос-

ходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой она управляла мыслью и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головки, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни“. Особа, многочисленные портреты которой находятся въ тетрадахъ Пушкина, — гр. Е. К. Воронцова ¹⁾. Вотъ о комъ вспоминалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Изъ написанныхъ въ Михайловскомъ въ 1824—1825 гг. стихотвореній Пушкина къ ней нужно относить „Сожженное письмо“, и врядъ ли къ кому-либо другому—элегію „Ненастный день потухъ“, стихотвореніе „Желаніе славы“ и отрывокъ. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ одновременно лелѣялъ дорогія ему воспоминанія о двухъ женщинахъ.

III.

Одесскія новости доходили до Пушкина очень туго; онъ постоянно жалуется въ своихъ письмахъ изъ Михайловскаго на ихъ отсутствіе и проситъ ихъ. Не много зналъ онъ и о Ризничъ. 21 августа 1824 года, А. Н. Раевскій сообщалъ Пушкину о мужѣ Ризничъ, о томъ, что онъ „опять принялъ бразды театральнаго правленія, и актрисы ему одному повинуются“. Профессору Зеленецкому рассказывали люди, близкіе къ Ивану Ризничу, что онъ былъ въ перепискѣ съ Пушкинымъ; трудно повѣрить этому извѣстію: что же было общаго между обманутымъ мужемъ и любовникомъ его жены? Не къ кому другому, какъ къ Амаліи Ризничъ, можетъ быть отнесенъ отрывокъ изъ описанія Одессы въ „Евгеніи Овѣгинѣ“:

„А только ль тамъ (въ Одессѣ) очарованій?
 А розыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А prima donna? а балетъ?
 А ложа, гдѣ, красой блистая,
 Негоціантка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?
 Она и внемлетъ, и не внемлетъ
 И каватилъ, и мольбамъ,

¹⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова. 1903, т. II, стр. 356.

И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонвахъ „форал“ закричитьъ,
 Зѣвнетъ — и снова захрапить“¹⁾).

Съ этимъ-то мужемъ врядъ ли бы сталъ переписываться Пушкинъ, и не изъ его писемъ узналъ Пушкинъ о смерти Амаліи Ризничъ за границей. Ризничъ умерла въ первой половинѣ 1825 года: во всякомъ случаѣ, къ іюлю 1825 года въ Одессѣ уже знали о ея смерти и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти: говорили и о томъ, что Иванъ Ризничъ предоставилъ ей умереть въ нищетѣ (мы видѣли, что самъ Ризничъ, въ разговорѣ съ Слечковичемъ, отрицалъ это). Подпись: „іюль 1825“, мы встрѣчаемъ подъ сонетомъ одного изъ поклонниковъ Ризничъ, В. И. Туманскаго: „На кончину Р.“ Этотъ сонетъ напечатанъ въ альманахѣ Раича и Ознобишина: „Сѣверная лира на 1827 годъ“ (цензурное разрѣшеніе на печатаніе дано 1 ноября 1826 года) съ посвященіемъ А. С. Пушкину. Трудно допустить, чтобы Пушкинъ прочелъ этотъ сонетъ только въ печати. Пушкинъ переписывался съ В. И. Туманскимъ: до насъ дошло по нѣсколькѣ писемъ того и другого, между прочимъ, и письмо Пушкина къ Туманскому, отъ 13 августа 1825 года. Анализируя содержаніе этого письма, мы не найдемъ въ немъ ни одной фразы, которая обнаруживала бы, что это письмо Пушкина къ Туманскому—не первое, имъ писанное. Между прочимъ, Пушкинъ писалъ въ немъ²⁾: „Объ Одессѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что-нибудь“. Послѣдняя фраза даетъ основаніе думать, что отвѣтъ Туманскаго былъ первымъ его письмомъ къ Пушкину. Вполнѣ естественно предположить, что Туманскій подѣлился съ Пушкинымъ своимъ стихотвореніемъ,

¹⁾ Совершенно не понимаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Брюсовъ въ своей статьѣ „Изъ жизни Пушкина“ („Новый Путь“, 1903, іюнь) сообщаетъ: „Когда въ Михайловскомъ приходили письма отъ Ризничъ, Пушкинъ запирался у себя въ кабинетѣ и старался весь день не видаться ни съ кѣмъ“. Не приписываетъ ли тутъ г. Брюсовъ—совершенно ошибочно—Ризничъ тѣхъ писемъ, которыя Пушкинъ получалъ отъ графини Воронцовой?

²⁾ Первые строки этого письма (Сочин. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. III, стр. 206) для насъ несомнѣнно понятны: „буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда“. Замѣчательно, что эти строки дословно совпадаютъ съ началомъ черноваго наброска письма къ Княжевичу, написаннаго въ концѣ ноября, въ началѣ декабря 1824 года. Это письмо тамъ же, стр. 136. И въ этомъ наброскѣ поэтъ жадно проситъ вѣстей изъ Одессы: „Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами“ и т. д.

написаннымъ на смерть Ризничъ и посвященнымъ Пушкину. Свое стихотвореніе онъ долженъ былъ сопроводить нѣкоторыми фактическими разъясненіями, безъ которыхъ не все въ немъ было бы понятно Пушкину. Вотъ что писалъ Туманскій о Ризничъ:

„Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга.

Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга
Склонялся міръ — твои оковы несъ,
Но Гименей, какъ стверный морозъ,
Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.

И гдѣ жъ теперь поклонниковъ твоихъ
Блестящій рой? Гдѣ страстныя рыданья?
Взгляни: къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,

Ужъ новый огонь волнуешь души ихъ;
И для тебя *сей голосъ струнъ чужихъ* —
Единственный завѣтъ воспоминанья!“

Посвящая Пушкину это стихотвореніе, не думалъ ли о немъ Туманскій, когда писалъ о разсѣявшихся поклонникахъ, которыхъ уже къ другимъ красавицамъ влекутъ желанья, и души которыхъ волнуешь новый огонь? Если думалъ, то вѣдь онъ разумѣлъ подъ новыми увлеченіями поэта не увлеченія сельца Михайловскаго, а одесскія увлеченія, которыя одни только и могли быть ему извѣстны. Въ стихахъ Туманскаго необходимо отмѣтить легкій оттѣнокъ сожалѣнія, укора, обращеннаго къ умершей.

Отвѣтомъ на извѣстіе о смерти Ризничъ, полученное поэтомъ или отъ Туманскаго въ концѣ 1825 года, или отъ кого-либо другого (мы больше склонны къ первому предположенію), была извѣстная, прекрасная элегія: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной она томилась, увядала“. Уже первые строки показываютъ, что поэту была извѣстна одесская версія разсказа о смерти Ризничъ, въ бѣдности, брошенной и любовникомъ, и мужемъ.

„Увяла, наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть;
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я“.

Намъ необходимо запомнить то впечатлѣніе, съ которымъ

поэтъ принялъ извѣстiе о смерти когда-то любимой имъ женщины. Онъ былъ равнодушенъ; въ его сердцѣ уже не было любви къ ней. Въ этихъ стихахъ обращаетъ вниманiе выраженiе: „изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть“; эти слова хочется сопоставить съ той характеристикой, которую даетъ своему сонету Туманскiй: „сей голосъ струнъ чужихъ“. Но откуда же такое полнѣйшее равнодушие у Пушкина, который когда-то былъ страстно увлеченъ Ризничъ? Ея образъ запечатлѣлся въ его представленiи; не затмили ли его тѣ свѣдѣнiя, которыя сообщилъ ему или Туманскiй, или кто-нибудь изъ одесскихъ прiятелей, по слухамъ, циркулировавшимъ въ Одессѣ?

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
 Съ такою нѣжною томительной тоской,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
 Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
 Для бѣдной легковѣрной тѣни,
 Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ, ни пени“.

Какое тяжелое осужденiе тому, кто былъ такъ любимъ прежде! Бѣдная легковѣрная тѣнь! Легковѣрная, потому что легко вѣрила въ клятвы любви... Трудно повѣрить, что на Пушкина такъ подѣйствовало только одно сообщенiе о томъ, что его соперникъ уѣхалъ вслѣдъ за Ризничъ: было что-то и другое, для насъ исчезнувшее.

Итакъ, эта элегiя, несомнѣнно относящаяся къ Ризничъ, даетъ немногочисленныя, правда, но опредѣленныя указанiя на характеръ увлеченiя Пушкина Амалiей Ризничъ и свидѣтельство о судьбѣ его отношенiй къ ней послѣ отъѣзда изъ Одессы. Опираясь на эти данныя, можно уже прямо выбрасывать изъ цикла Ризничъ тѣ стихи, въ которыхъ мы найдемъ противорѣчащую характеристику Ризничъ; но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору, остановимся еще на разобранной элегiи. Когда написана она? Въ изданiи 1829 года элегiя отнесена самимъ поэтомъ къ 1825 году; драгоцѣнныя указанiя поэта можно измѣнять только съ вѣскими фактическими данными въ рукахъ, а между тѣмъ положительно во всѣхъ новѣйшихъ изданiяхъ (во всѣхъ изданiяхъ подъ ред. П. А. Ефремова и г. Морозова и др.) элегiя помѣщается подъ 1826 годомъ. Издатели относили элегiю къ этому году, очевидно, на основанiи сообщаемыхъ Анненковымъ свѣдѣнiй о рукописи этого стихотворенiя, до насъ не дошедшей; они приняли за дату имѣющуюся на рукописи помѣту

„26 іюля 1826 года“¹⁾. Но дѣло все въ томъ, что эту помѣту нельзя считать датой. Помѣта находится не подъ стихотвореніемъ, а надъ стихотвореніемъ (Анненковъ даже называетъ ее оглавленіемъ). А это—два разныхъ дѣла; во всякомъ случаѣ, безъ всякихъ оговорокъ выдавать эту помѣту за дату, и, на этомъ основаніи, печатать элегію подъ 1826 годомъ, тогда какъ самъ Пушкинъ напечаталъ ее подъ 1825 годомъ, не представляется необходимымъ. Мы предпочитаемъ оставить безъ объясненій эту помѣту, тѣмъ болѣе, что въ рукописи Пушкинъ нерѣдко отмѣчаетъ дни, чѣмъ-нибудь для него замѣчательные. Въ рукописи этого стихотворенія находятся еще двѣ помѣты: „Усл. о см. 25“ и „У. о с. П. Р. М. М. К. Б. 24“. Последняя читается слѣдующимъ образомъ: „Услышалъ о смерти Рылѣва, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 іюля“; первая помѣта читалась и какъ „услышалъ о смерти (Ризничъ) въ 1825 году“, и какъ „услышалъ о смерти 24 іюля“. Приведенныя выше данныя не допускаютъ предположенія о томъ, что Пушкинъ до іюля 1826 года ничего не зналъ о смерти Ризничъ, даже отъ Туманскаго. Наконецъ, самъ онъ печаталъ элегію подъ 1825 годомъ. Поэтому, первую помѣту можно читать только въ одной редакціи: „услышалъ о смерти Ризничъ въ 1825 году“. Чтобы покончить съ исторіей этого стихотворенія, нужно указать, что Пушкинъ въ рукописи сообщилъ его Туманскому; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 2 марта 1827 года, В. И. Туманскій писалъ Пушкину: „Одна изъ нашихъ новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестрѣ Собаньской, Витовой любовницѣ. Въ приданое за ней получилъ Ризничъ въ будущемъ 6000 черв., а въ настоящемъ—Владимірскій крестъ за услуги, оказанныя одесскому лицу. Надобно знать, что онъ въ лицѣ никогда ничего не дѣлалъ. Новая м-мъ Ризничъ, вѣроятно, не заслужитъ ни твоихъ, ни моихъ стиховъ по смерти: это—малютка съ большимъ ртомъ и съ польскими ухватками“²⁾. Очевидно, тутъ говорится объ элегіи „Подъ небомъ голубымъ“, потому что никакихъ другихъ мы не знаемъ. А эта элегія появилась въ печати лишь въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 годъ“. Пушкинъ отослалъ ее Дельвигу только при письмѣ отъ 31 іюля 1827 года. (Соч., ред. П. А. Ефремова, т. VII, стр. 280). А то, что Туманскому была извѣстна эта элегія въ рукописи, не

¹⁾ Анненковъ не совсѣмъ точно прочелъ помѣту: во II-мъ томѣ своего изданія (стр. 409) онъ сообщаетъ „26 іюля 1826“, а въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“ (Спб., изд. 2-е, 1873, стр. 188) —даетъ другую дату.

²⁾ А. С. Пушкинъ. Изд. Баргенева, II, М. 1885, стр. 127.

служить ли косвеннымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что и сонетъ Туманскаго былъ извѣстенъ Пушкину тоже въ рукописи.

IV.

Еще разъ остановимся на той строфѣ элегіи, которая рисуетъ характеръ увлеченія Пушкина Ризничъ. Въ 1828 году Пушкинъ писалъ о себѣ:

„Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужь мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужь мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой!“

Но всякая любовь индивидуальна.

Ничего

Какой же характеръ ~~имѣла~~ любовная схватка Пушкина въ 1823 году? Страсть къ Ризничъ оставила глубокой слѣдъ въ сердцѣ Пушкина своею жгучестью и муками ревности.

„Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ.
Съ такую вѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!“

Тяжелое напряженіе любви, нѣжная, томительная тоска, безумство и мученіе—вотъ характерные признаки увлеченія Пушкина, его страсти.

Послѣднее—вѣриѣ. Современники рассказывали проф. Зеленецкому, что Ризничъ любила быть окруженной толпой поклонниковъ, что Пушкину приходилось соперничать изъ-за ея любви. Яркое изображеніе своихъ мукъ Пушкинъ оставилъ въ элегіи: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Многочисленные намеки на дѣйствительность объясняются только при предположеніи, что элегія обращена къ Ризничъ; проф. Зеленецкій въ своей статьѣ доказалъ это вполне убѣдительно ¹⁾.

¹⁾ Г. Морозовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. I, стр. 652) отказывается признать это стихотвореніе относящимся къ Ризничъ, на томъ основаніи, что въ немъ говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а г-жа Ризничъ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ. Какъ разъ это обстоятельство и даетъ лишній мотивъ относить элегію къ Ризничъ, потому что, какъ указываетъ проф. Зеленецкій, первые шесть мѣсяцевъ по отъѣздѣ въ Россію при Ризничъ находилась ея мать. Кстати, это сообщеніе даетъ указаніе и на время страсти Пушкина къ Ризничъ.

„Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой
 И всѣхъ дарить надеждою пустою
 Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
 Мной овладѣвъ, мой разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣдѣ чуждѣ, одинъ и молчаливѣ,
 Терзаюсь я досадою одинокой;
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводить ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты; веселый твой укоръ
 Меня мертвить, любви не выражая.
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставь меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?..
 Что жъ онъ тебѣ? Скажи: *какое право
 Имѣть онъ бльднить и ревновать?..
 Въ нескромный часъ, межъ вечера и сѣта,
 Безъ матери, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ ео должна ты принимать?..*
 Но я любимъ... Наединѣ со мною
 Ты таѣ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Таѣ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣльны мученія мои;
 Но я любимъ, тебя я понимаю.
 Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю“.

Это стихотвореніе было написано въ 1823 году и напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, съ многочисленными опечатками, заставившими Пушкина напечатать его вновь у Булгарина, въ „Литературныхъ Листкахъ“ (февр. 1824 г., № 4, стр. 134). Здѣсь были исправлены ошибки, но зато исчезли строки, имѣющія автобіографическое значеніе и набранныя у насъ курсивомъ. Въ черновой рукописи подробнѣе обрисованъ соперникъ:

„Предательски тобой ободренный
 Соперникъ мой надменный,

Всегда, всегда преслѣдуетъ меня.
Онъ вѣчно тутъ, колѣна преклоня.
Являюсь я—блѣднѣетъ онъ..
Иль иногда предупрежденный мной“....

И въ самомъ стихотвореніи, и въ наброскахъ — яркая картина мукъ ревности, мукъ томительной и жгучей чувственной любви... Эта картина и изображеніе страсти въ элегии „Подъ небомъ голубымъ“ набросаны однѣми и тѣми же красками. Въ нашемъ воображеніи вырисовывается образъ обольстительной женщины, которая приковывала къ себѣ властью своей красоты и чувственнаго влеченія. Она умѣла возбуждать чувства ревности, могла измучить человѣка и хотѣла овладѣть всѣми. Первые мѣсяцы пребыванія Пушкина въ Одессѣ ознаменовались „безумными волненьями“ любви къ Амаліи Ризничъ, и только подъ конецъ его пребыванія новая страсть, непохожая на эту, вытѣснила образъ Ризничъ изъ сердца Пушкина. Но періодъ увлеченія Ризничъ остался памятнымъ. Въ 1826 году Пушкинъ окончилъ въ Михайловскомъ шестую главу „Онѣгина“; въ ней мы находимъ слѣдующія строфы, въ печати выброшенные. XV-я строфа ясно рисуетъ отношенія Пушкина къ чувству ревности:

„Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно, какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадки,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злыя, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ, кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ, конечно, безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ“.

Это описаніе ревности говоритъ о томъ, что поэту были хорошо знакомы ея муки. Слѣдующая строфа посвящена памяти той, которая заставила поэта перенести всѣ терзанія, всю болѣзнь ревности:

„Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ вѣтъ, о, ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ!..

Какъ учать слабое дитя,
 Ты, душу нѣжную мутя,
 Учила горести глубокой;
 Ты нѣгой волновала кровь,
 Ты воспалаля в ней любовь
 И пламя ревности жестокой.
 Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
 Почій, мучительная тѣнь!“

Эта строфа является какъ бы комментариемъ къ элегии 1823 года: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что эти строфы вызваны воспомина- ніями о Ризничъ.

V.

Къ Ризничъ принято относить стихотвореніе „Иностранкѣ“ (Въ альбомъ):

„На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
 Стихи прощальные пишу,
 Но въ заблужденіи пріятномъ
 Вниманья твоего прошу:
 Мой другъ, доколѣ не увяну
 Въ разлукѣ, чувство погубя,
 Боготворить не перестану
 Тебя, мой другъ, одну тебѣ!
 На чуждыя черты взирая,
 Вѣрь только сердцу моему,
 Какъ прежде вѣрила ему,
 Его страстей не повимая“.

Подъ этими стихами въ рукописи стоитъ слѣдующая помѣта: „Veux-tu m'aimer? 18, 19 mai 1824 Pl. s. D'“. Ризничъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и, по справкѣ проф. Зеленецкаго, выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣ- которой натяжкой можно было бы первыя числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризничъ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т.-е. того времени, когда о Ризничъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ пред- назначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть мо- жетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризничъ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только

какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспособлять къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризничъ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно ¹⁾.

Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго характеръ увлеченія Пушкина Амаліей Ризничъ опредѣлился совершенно ясно. Можемъ ли мы относить къ Ризничъ стихотворенія 1830 года: „Заклинаніе“, элегію „Для береговъ отчизны дальной“ и „Разставаніе“? Всѣ эти произведенія написаны Пушкинымъ осенью 1830 года, когда поэтъ сидѣлъ, окруженный карантинами, въ своемъ Болдинѣ, вдали отъ своей невѣсты, Н. Н. Гончаровой. Настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ было тревожное; для характеристики интимной жизни поэта важно то, что передъ свадьбой онъ обращался мыслью не къ будущей своей женѣ, а къ памяти другой, умершей женщины. Несомнѣнно, по психологическимъ соображеніямъ, что всѣ три стихотворенія обращены къ одному лицу и составляютъ превосходную лирическую трилогію. „Заклинаніе“ написано 17 октября; элегія—27 ноября; „Разставаніе“, представляющее по содержанію своему какъ бы эпилогъ къ двумъ первымъ, имѣетъ помѣту 5 (8?) октября 1830; но есть нѣкоторыя данныя, которыя заставляютъ приурочивать созданіе этого стихотворенія къ ноябрю ²⁾. Первая строфа „Разставанія“ рисуется отношеніе поэта къ неизвѣстной намъ женщинѣ, вдохновившей его на трилогію:

„Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Держаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать“.

Нечего и говорить о томъ, что тутъ поэтъ говоритъ не о Ризничъ. Никоемъ образомъ не могъ Пушкинъ вспоминать съ нѣгой робкой и унылой опустошительную страсть къ Ризничъ. „Заклинаніе“ и элегія—изображеніе мистической, загробной любви Пушкина:

„О, если правда, что въ ночи
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,

¹⁾ Соч. Пушкина, ред. Морозова, 1903, т. I, стр. 656—658.

²⁾ Сочиненія Пушкина, ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 503.

О, если правда, что тогда
 Пустѣють тихія могилы—
 Я тѣнь зову, я жду Леилы:
 Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда

 Зову тебя не для того,
 Чтобъ укорять того

 но, тоскуя,
 Хочу сказать, что все люблю я,
 Что я все твоей.

(„Заклинаніе“.)

Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой —
 Исчезъ и поцѣлуй свиданья..
 Но жду его: овъ—за тобой!..“

(„Для береговъ отчизны дальной“.)

Возвышенный и мистическій оттѣнокъ этой любви Пушкина никакъ не подходитъ къ той совершенно опредѣленной характеристикѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, которую мы выше сдѣлали. Кромѣ того, признаніе этихъ стихотвореній за посвященные Ризничъ прямо противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы получили, на основаніи анализа элегіи 1825 года „Подъ небомъ голубымъ“. Въ послѣдней поэтъ говоритъ о своемъ равнодушій къ памяти этой женщины, а въ стихахъ 1830 года—о своей любви, которой не уничтожила сама смерть. Наконецъ, мы уже указывали, что описанія разлуки въ „Заклинаніи“ и элегіи „Для береговъ отчизны дальной“ совершенно не соотвѣтствуютъ моменту разставанія въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ Ризничъ и Пушкина. Если вѣрно предположеніе, что замѣтка „Иностранкѣ“ находится въ альбомѣ Ризничъ, то это только подкрѣпляетъ наше мнѣніе. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отрицать мнѣніе объ отношеніи этой поэтической трилогіи 1830 года къ Амаліи Ризничъ ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ отношеній Пушкина къ Ризничъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, мы можемъ придти къ тому выводу, что и стихотвореніе, которымъ начинается

¹⁾ Нѣкоторое основаніе относить къ Ризничъ элегію „Для береговъ отчизны дальной ты покидала край чужой“ даютъ первыя строки стихотворенія. Извѣстно, что Пушкинъ, отдавая въ печатъ свои стихи, всегда стремился уничтожить всѣ намеки, которые могли бы помочъ добраться до дѣйствительности. Поэтому чрезвычайно любопытно указаніе Анненкова на то, что рукопись элегіи начиналась такъ: „Для береговъ чужбины дальной ты покидала край родной“.

наша замѣтка, „Все въ жертву памяти твоей“, написанное въ 1825 году, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ Амаліи Ризничъ ¹⁾.

Остается еще сказать объ одномъ стихотвореніи, которое связываютъ съ именемъ Ризничъ. Это—извѣстное „Воспоминаніе“ (1828), доставляющее много хлопотъ біографамъ поэта. Поэтъ съ грустью и тоской вспоминаетъ свои „утраченные годы“:

„Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
 На играхъ Вакха и Киприды,
 И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
 Неотразимыя обиды.
 И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
 Встаютъ два призрака младые,
 Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
 Мнѣ ангела во дни былые.
 Но оба съ крыльями и пламеннымъ мечомъ,
 И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
 И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
 О тайнахъ вѣчности и гроба!..“

Біографамъ поэта хочется во что бы то ни стало разузнуть, кто эти двѣ тѣни. Если понимать стихотвореніе, какъ поэтическую метафору, то, пожалуй, поиски за мстящими тѣнями оказываются лишними. Анненковъ считаетъ весьма правдоподобнымъ, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ госпожу Ризничъ. Мы знаемъ, чему научила Ризничъ поэта: ее-то онъ ужъ ни въ какомъ случаѣ не могъ взять въ ангелы-хранители. Но кто же все-таки, спроситъ читатель, если не эти тѣни, то та умершая особа, которая вдохновила Пушкина на трилогію 1830 года и которая и за гробомъ владѣла мыслями поэта? При современномъ состояніи нашихъ данныхъ о Пушкинѣ, мы не можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, это далеко не единственный вопросъ въ исторіи внутренней жизни поэта, который мы не можемъ рѣшать.

¹⁾ Въ своихъ замѣчаніяхъ объ этомъ стихотвореніи П. А. Ефремовъ (Соч. Пушкина, 1903, т. VII, стр. 150) пишетъ: „мое будто бы „падающее“ мнѣніе основано на замѣчаніяхъ Анненкова, *знавшаго* дату 1825 (а не 1826 г.) и, тѣмъ не менѣе, отнесшаго стихи къ трилогіи: „Подъ небомъ голубымъ“, и т. д. Тутъ кроется недоразумѣніе: Анненковъ не высказывался по поводу отрывка „Все въ жертву памяти“. На стр. 347 перваго изданія „Матеріаловъ“, на которую ссылается П. А. Ефремовъ, Анненковъ предположительно относитъ къ трилогіи не этотъ отрывокъ, а другой (XII): „Все кончено“, и т. д. Мы видѣли, насколько справедливо мнѣніе Анненкова.

Подводя итоги нашимъ разысканіямъ, мы можемъ утверждать, что циклъ Ризничъ въ творествѣ Пушкина обнимаетъ слѣдующія произведенія поэта: элегію 1823 года („Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“); элегію 1825 года („Подъ небомъ голубымъ“) и XV—XVI строфы шестой главы „Онѣгина“, оставшіяся въ рукописяхъ. Всѣ же остальные стихотворенія, связывавшіяся съ именемъ Ризничъ, не могутъ быть относимы къ ней.

П. Щеголевъ.

